— Привет, Тай, — говорит он. — Привет, София. Ты выглядишь, эм… теплой. Хочешь, я возьму твое пальто?

— Пока нет, — говорит София.

Я завидую тому, что Хантер развернет "упаковку" с моей падчерицей… до тех пор, пока мой взгляд не падает на Еву.

Она раздвигает свои длинные ноги и встает. На ней белый кружевной халатик, который висит на ее теле облачком. Под марлевой тканью виднеется темный бюстгальтер и трусики, отделанные золотом. На ней черные туфли на высоких каблуках, которые делают ее такой же высокой, как и я, и подчеркивают прекрасное "яблочко" ее попки. Она идет по паркетному полу ко мне с чувственной улыбкой на своем искусно накрашенном лице.

— Тай, — мурлычет она, — ты выглядишь очень привлекательно.

Я снимаю пальто и перчатки и вешаю их на руку. Она гладит мой пуговичный пуховик, натянутый на мою мускулистую грудь. Ее пальцы достигают моих мышц пресса, и я чувствую, как она пробует их кончиками пальцев. Улыбка становиться шире. Она пахнет летом и специями. Светло-золотистые волосы свисают жирненькими локонами по плечам.

— Боже, Ева, ты… ты сногсшибательна. — Я обнимаю ее и целую в щеку. — Изумительно выглядишь.

Я вижу, что Хантер уже ведет мою дочь наверх, в одну из отдельных спален. Я подавляю в себе прилив отцовского гнева и что-то там еще. Возможно, это опять ревность. Ева берет одну из моих рук и требует моего внимания, ласково поглаживая мою щеку.

— Тай, сегодня нам будет очень весело. Следуй за мной. Я уже выбрала для нас комнатку. — Она начинает вести меня к лестнице. — Только без всех этих оленьих рогов и деревенской мебели.

Она покачивает бедрами, словно пытается загипнотизировать меня округлостью своей попки. Я поднимаюсь за ней по лестнице, мое сердце колотится в груди, я пытаюсь сосредоточиться на Еве, на настоящем и доступном, и не позволяю своим мыслям блуждать, размышляя о падчерице с Хантером.

Она ведет меня в комнату, которую, как я слышал, называют черной. Я никогда не видел ее раньше, но когда Ева открывает дверь и приглашает меня внутрь, я понимаю, почему она так называется. Стены не выкрашены в черный цвет, не совсем, но в сочетании с тяжелыми портьерами над французской дверью и темно-красными простынями на кровати с четырьмя столбиками создается впечатление темноты.

Ева включает лампу, из-под абажура которой льется слабый красноватый свет. Портьеры настолько плотные, что это единственный свет в комнате, как только за мной закрывается дверь. Лицо Евы теперь видно только с уровня опущенных губ. Уже её глаза теряются в темноте над светом лампы.

— Я чувствую себя как в фильме нуар, — говорю я, не ожидая, что она поймет, о чем идет речь.

— Наверное, это делает меня роковой женщиной, — мурлычет она, снова приближаясь ко мне.

Я нервничал, когда в первый раз пришел в клуб. Изабелла, дочь Винса, помогла мне пройти через мой первый раз, как будто я был девственницей. Мне не нужна такая помощь от Евы. Ее улыбка и знойные голубые глаза — это все разрешение, которое мне нужно, чтобы схватить ее обеими руками и упасть, переворачиваясь, вместе с ней на кровать. Она падает со смехом, ее груди почти выпрыгивают из лифчика, а золотистые волосы рассыпаются вокруг головы.

— О, мистер Броуди, — воркует она. — Не будь слишком груб со мной.

Я своими лапами распахиваю ее халатик, стаскиваю марлевую ткань с ее плеч и любуюсь гладкостью ее бледной кожи. Прижимаюсь коленом между её бедер, её лобок прижимается к моей ноге и излучает свое тепло через трусики и мои брюки.

Я откидываю одной рукой ее волосы с лица, наклоняюсь над ней и ласкаю другой рукой ее бедро. Ее запах, ее тепло, ее тело — все это заставляет меня "напрячься". Я приближаю свои губы к ее губам, но останавливаюсь, разделяя с ней одно пространство, но не целуя ее. Еще нет.

— Чего ты ждешь? — спрашивает она, ища в моих глазах намерение.

— Я просто хотел не торопиться, — признаюсь я. — Я считал тебя великолепной еще до того, как для меня стало нормальным так думать, и вот ты здесь.

— Вот я здесь, — говорит она и наклоняет свои губы к моим, касаясь ими моих, говоря: — И я вся твоя.

http://tl.rulate.ru/book/2010/55750